

Предлагаем нашим читателям отрывки из новой книги Армена Борисовича Джигарханяна «Я одинокий клоун», подготовленной при участии известного театроведа, давнишнего друга актера, заслуженного деятеля искусств Виктора Яковлевича Дубровского. Книга выходит в серии «Выдающиеся мастера», которую в нынешнем году начало выпускать столичное издательство «АСТ-Пресс». На прилавках магазинов уже появились мемуары выдающегося мхатовского актера Василия Осиповича Топоркова «Станиславский на репетиции» (впервые они вышли в свет в 1950 году и давно стали библиографической редкостью), «Записки старого сплетника» Александра Белинского, сборники «Звезды Малого театра» и «Звезды Театра Российской армии». На подходе – «Звезды московского Театра сатиры», «Звезды Санкт-петербургской сцены», «Звезды нашего кино». До конца года серия пополнится мемуарами Ольги Андровской, Донатаса Баниониса, Владлена Давыдова, Михаила Жарова, Михаила Светина, Бориса Покровского, Владимира Шубарина. Готовятся к изданию книга Риммы Кречетовой о Владимире Высоцком, Юрии Любимове и Давиде Боровском и монография Виктора Дубровского об Иннокентии Смоктуновском.

Вер. Криво. – 2002.
– 23 над,
– с. 18

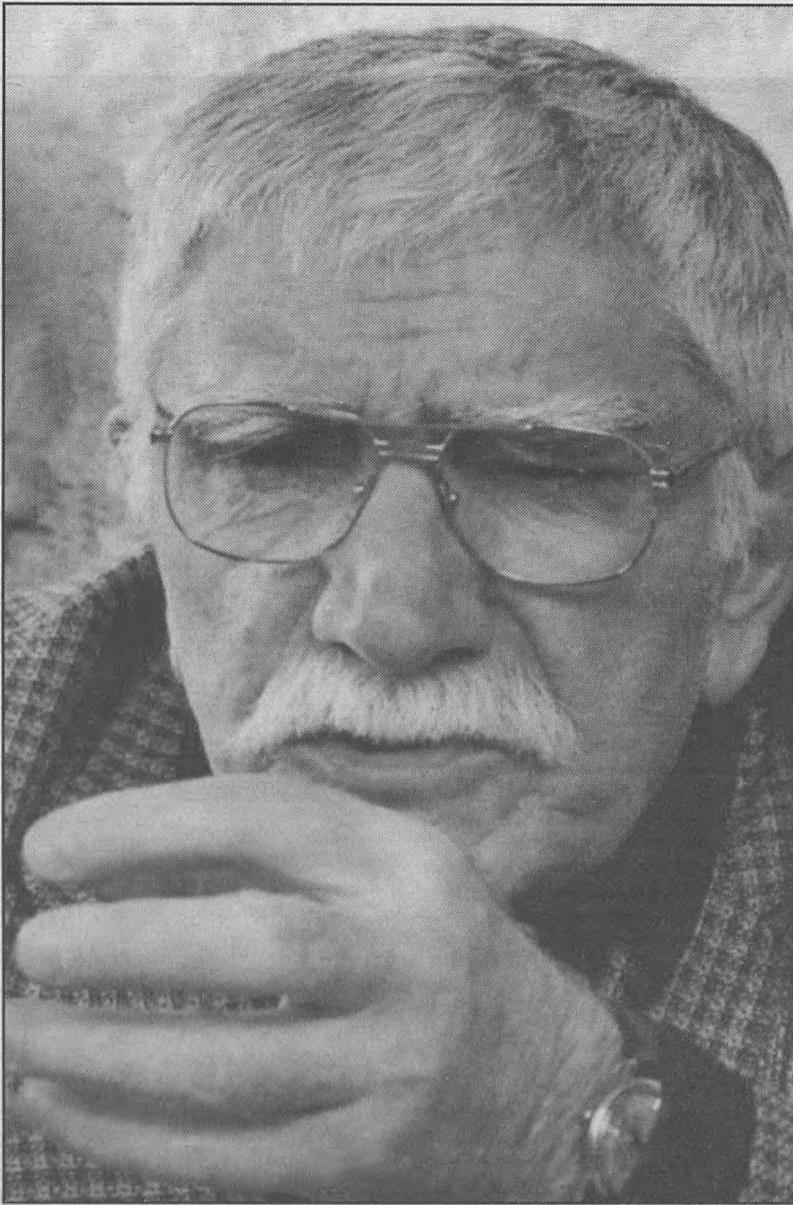
НЕЗАМЕТНОЕ НАКОПЛЕНИЕ
Думаю, что желание – именно желание, а не мечта – стать артистом возникло у меня довольно рано (я вообще считаю желание самым сильным человеческим чувством – против него ничто не устоит.) Самое любопытное, что для осуществления этого желания я ничего не делал: стихов на елке не читал, в школьной самодеятельности не участвовал, в школе я возненавидел два произведения, которые, как я позже понял, гениальны: «Ревизор» и «Горе от ума». Бездумное заучивание назидательных монологов Чацкого и Фамусова, наверное, многих надолго отвратило от литературы. Надо же было внушить такую ненависть! В школе я, наоборот, хорошо успевал по математике.

Недавно купил книжку «Феллини о Феллини» и вычитал одну его просто замечательную фразу. Он пишет, что не верит, когда говорят: «И тогда я понял...» Человек, считает Феллини, никогда ничего не понимает внезапно. Можно сказать: «Тогда я почувствовал... Тогда мне показалось...» Но такого – «Я вдруг понял» – не происходит никогда, кроме как в плохой драматургии. По-моему, тоже – происходит накопление, не всегда заметное и осознанное. Таким накоплением впечатлений, возможно сыгравших какую-то роль в определении моего выбора, явились события войны и послевоенные годы. Как я теперь понимаю, именно эти два фактора повлияли на меня при переходе от детства к юности.

ЕВРОПА ВВЕРХ НОГАМИ

Я помню, как в первый раз увидел раненого. Моя мама работала в Совете Министров республики, меня знали дежурные и легко пропускали. На площадке лестницы я увидел человека без руки. Вокруг стояло много людей, подходили еще и еще – посмотреть на раненого. А он рассказывал, как это было, он поднимался из окопа и ему прострелили руку. На это один из слушателей заметил: «Надо быть осторожней».

Уже став взрослым, я узнал, что в шестидесяти километрах от Еревана во время войны стояла готовая к на-

ЗАЧЕМ ТЕБЕ ЛЕГКИЙ ХЛЕБ, АРМЕН?

падению огромная турецкая армия. И это, конечно, вносило тревогу в жизнь города. Но тогда я этого не знал и не чувствовал: почти все время, пока был младшеклассником, я проводил у бабушки, которая работала в роддоме. Можно сказать, что я вырос в роддоме.

Самой войны я не видел. И когда появились фильмы о войне, это нас потрясло. Мама рассказывает, что, посмотрев «Радугу» с Натальей Ужвий, я так плакал, что заболел.

А затем появились трофейные фильмы. «Другая жизнь и берег дальний...» В центре города стоял старый кинотеатр «Наири». Нас, конечно, на эти фильмы не пускали. Мы поднимались на крышу, поочередно свешивались вниз головой (причем кто-то один должен был держать за спину) – и так смотрели. Один мой товарищ сказал недавно, что Европа вошла в нашу жизнь вверх ногами.

«СЛУШАЙ СЕБЯ...»

Все это, очевидно, постоянно накапливалось и в конце концов сложилось в решение стать артистом. Об этом моем решении не знал никто, даже мама. Тогда все стремились в политехнический. У меня математика и физика шли неплохо, особенно физика. И когда мы уже готовились к выпускным экзаменам и делились, кто куда идет, я сказал о театральном. Все стали меня отговаривать: «С ума не сходи! Иди в политехнический!» А учитель математики очень расстроился и все допытывался: «Почему ты выбрал эту легкомысленную профессию? Зачем

тебе легкий хлеб, Армен? Этот не-серьезный хлеб?»

Я думаю, мой учитель ошибался. Этот хлеб – замечательный, прекрасный – требует на протяжении всей жизни громадного труда, честности и искренности. Если ты говоришь неправду, живешь двойной-тройной жизнью, то на сцене это все отражается на твоём лице. В нашем деле ничего не проходит даром, ни хорошее, ни плохое...

Я сказал матери: «Ты представь, стану я инженером и у меня будет твердая зарплата, но буду проходить мимо театра и каждый раз сомневаться, зачем стал инженером, зачем не выбрал театр?..» Мать ответила: «Слушай себя...»

СЛИШКОМ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ АКЦЕНТ

Несмотря на то, что мы ходили с мамой в армянский театр, а русский драматический был в мои школьные годы довольно слабым, я хотел играть на русской сцене.

Я выучил какую-то басню, стихотворение и монолог Незнамова (я читал его маме, и ей очень понравилось) и явился на экзамены в Москву. Но дело ограничилось собеседованием. Седой человек, который вел собеседование (помню, он пришел с красивой девушкой в спортивном костюме с ракеткой в руке), сказал мне: «У вас слишком выразительный акцент. Поезжайте домой, зачем вы приехали сюда?»

Обида была громадная. Обида и

огорчение. Был момент, когда я хотел сдать документы в пищевой институт. Тем более, кто-то из родственников сказал – пусть, мол, останется в Москве, поживет, может быть, акцент пройдет. Но мы с мамой решили все же уехать. А моя речь, кстати сказать, за эти годы мало изменилась; только то, что гитисовский педагог назвал акцентом, сейчас называют моей актерской манерой и индивидуальностью. Год я проработал на киностудии помощником оператора. И этот год я готовился к поступлению в Ереванский театрально-художественный институт. Готовился снова фактически самостоятельно (актриса, преподававшая потом в институте сценическую речь, раза два прослушала меня). В 1955 году я сдал вступительные экзамены и был принят.

«НЕ ПОДНОСИ ПЛАТОК К СУХИМ ГЛАЗАМ»

Фраза Феллини о том, что человек ничего не понимает внезапно, вдруг, очевидно, запомнилась мне потому, что я немножко фаталист, я верю в предопределенность и разумность происходящего. Посудите сами: если бы я не поехал в Москву, не провалился там и не проработал год – я не попал бы на курс А. К. Гулакяна. А оказалось, что именно он в 1955 году набрал актерский курс! Таким образом, судьбе было угодно через обиду и огорчение привести меня к большой удаче – именно Армен Карпович стал моим первым и самым дорогим учителем.

Гулакян был убежденным последователем Станиславского. В начале 30-х годов Армен Карпович учился в Москве в театральной студии при Доме армянской культуры. Занятия вел Рубен Николаевич Симонов, приходили и Вахтангов, и Мейерхольд...

Гулакян был буквально начинен впечатлениями тех лет от спектаклей МХАТ. Многие часы он рассказывал о Москвине, Тарханове, Михаиле Чехове. В Армении он был одним из верных проповедников «системы» Станиславского, может быть, в национальном преломлении.

Известны замечательные слова Михоэлса о том, что всех заставляют учиться у МХАТ, а сам МХАТ учится у жизни, так не лучше ли и всем учиться у жизни, пользоваться первоисточником.

Вот Гулакян, как я теперь понимаю, шел прежде всего от жизни и учил художественной правде, и в большем, и в малом. Афоризмом стала для нас его фраза: «Не подноси платок к сухим глазам».

ЧЕМ ДАЛЬШЕ, ТЕМ ТРУДНЕЕ

Годы спустя я догадался, что Армен Карпович относился к нам с уважением, вопреки или благодаря тому, что все про нас знал. Я запомнил его слова: «Учитель – это человек, который находит в себе мужество опуститься до невежества ученика и вместе с ним подниматься к вершине». Убедительной иллюстрацией этих слов может служить один эпизод. В Ереван стали доходить восторженные отзывы о только что возникшем в Москве театре-студии «Современник». Актерскую молодежь особенно поражали невиданные демократические правила внутренней жизни театра: обсуждение советом работы каждого члена труппы, приема новых актеров, назначения на роль; и даже, как рассказывали, все вместе решили, сниматься их актеру в том или ином фильме или нет. Однажды разговор о «Современнике» зашел при Гулакяне. И он сказал поразившую нас всех вещь: «В недемократическом окружении одна ячейка не может быть демократичной, это будет только игра в демократию». Как вы знаете, жизнь вскоре подтвердила его правоту: «Современник» перестал быть студией и по своей структуре был приравнен ко всем остальным театрам.

И еще одну мысль Учителя я вспоминаю все чаще: «Чем дальше, тем труднее в театре жить, если этим заниматься ответственно».

С сокращениями.

Заголовки даны редакцией «ВК».